

БАЛКАНИЗМЫ И ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ФРАКО-ДАКИЗМЫ (ОТНОШЕНИЕ ОДНОГО К ДРУГОМУ)

Габинский М. (Кишинёв, Молдова)

Как давно и справедливо принято считать при изучении балканских языков, специфические местные черты какого-либо из них, а тем более их общие специфические черты, являются той сферой, где с наибольшей вероятностью могут быть обнаружены следы исчезнувших языков данного региона, явившихся автохтонным субстратом его нынешних языков.

Вне отдельных этимонов, представленных и в древних балканских языковых реликтах, и в современных языках Балкан (каковы достоверно рум. *mînz* «жеребец» - алб. *mëz, mâz*, то же, и рум. *mal* «берег» - алб. *mal* «гора» и, в меньшей степени, другие¹), для установления предположительных автохтонных балканских черт в фонетике и грамматике современных балканских языков на настоящее время не найдено более действенного способа, чем указанная ориентация на особенности современных местных языков, в первую очередь общие, отличающие их от других языков, в том числе близкородственных им извне данного региона².

Вместе с тем не менее ясно, что не всё отличающее так какой-либо балканский язык от внебалканских языков, притом даже той же семьи, в обязательном порядке возводимо к автохтонному местному субстрату. Так, романские и славянские языки Балкан отличаются от внебалканских языков тех же семей общими этимонами греческого и турецкого происхождения (последние сами в большей части происходят из арабского, реже из персидского), наличными также в албанском и новогреческом. Благодаря доступности этих источников оба слоя, как, впрочем, и общевалканские латино-романизмы и славизмы, обычно легко опознаются как трансбалканизмы (т.е. элементы общие для Балкан или их части, но не специфические для них, см. об этом ниже). Но так же могло быть и с элементами, чьё происхождение иногда, возможно, не местное, сейчас установить нельзя.

Во всяком случае для этимонов приведенных *mînz* – *mëz/mâz* и *mal* – *mal* и сейчас прослеживается очень широкий ареал в пределах Европы, Азии и Африки (Габинский 1963, 103; Калужская 2001, 125-129, 139-142), т.е. эти два «румыно-албанизма», хоть и при заметных смысловых (а для *mînz* – *mëz/mâz* и фонетических) различиях между их рефлексам в разных языках, также являются трансбалканизмами³. Реже встречаются случаи, когда общими для части балканских языков оказываются этимоны известного, достоверно не местного, происхождения, но вне Балкан утраченные: таковы романизмы рум. *sat* (старое *fsat*) и алб. *fshat* в значении «село» или аром. *njarcă* и алб. *njerkë* «мачеха», а также славизм болг. диал. *гражд*, рум. *grajd*, алб. *grazhd*.

Уже такие факты показывают, что выяснение отношений между предполагаемыми фрако-дакизмами и балканизмами нуждается в возможности точных критериях. В то же время известно, что языковые союзы существуют и в других регионах, где также возможны аналогичные проблемы (таковы кавказская, волго-камская и другие группировки языков).

Отсюда необходимость рассмотрения поставленных вопросов в свете единых общелингвистических критериев, т.е. балканизмов и других подобных явлений как частных случаев ареализмов (или, что то же, но подчёркивает другой аспект положения, унионизмов), а фрако-дакизов (илиризов и под.) как элементов субстрата, в частности автохтонного.

Определение субстрата как такового вызывает мало разногласий – имеется в виду язык, вытесненный другим в данной местности (не обязательно всюду). Возразить следует лишь против термина «адстрат» (типа германского в западнороманском, славянского в румынском, албанском и греческом и т.п.), которым обозначается в сущности тоже субстрат, но, в отличие от автохтонного (то есть более исконного в данной местности), аллохтонный: природа взаимодействия между вытесняемым и вытесняющим языками абсолютно независима от того, какой из них в данной местности более исконен. Остальные разногласия в вопросе о субстрате обычно сводятся к тому, оставил ли такой-то конкретный субстрат следы в таком-то конкретном суперстрате (то есть вытеснившем его языке) следы или не оставил их, реальность же самого факта вытеснения отрицаться не может.

В отличие от этого, рассмотрение ряда явлений как балканизмов и, соответственно, характеризуемой ими группировки языков как балканского языкового союза давно вызывает серьёзные разногласия – от полного отрицания реальности этих явлений до непомерного преувеличения их значимости.

При этом второе, как гиперболизация, дискредитирует идею, объективно способствуя нигилизму в данном вопросе, а некоторые авторы сами причисляют к «балканизмам» заведомо к ним не принадлежащее, выдавая за таковые и факты с явной местной спецификой и при этом огульно отрицая её и у того, и у другого.

Все указанные точки зрения представляется целесообразным кратко рассмотреть ниже с целью выяснения степени реальности явлений балканизма и балканского языкового союза в перспективе соотнесения их с возможными элементами, воспринятыми из автохтонных субстратов. Напоминаем, таким образом, основные этапы эволюции взглядов на указанные явления.

Изучение специфической общности балканских языков, не обусловленной родством, имеет уже, как известно, историю протяженностью почти в два с половиной столетия. Вероятно, основоположником изучения этой, а конкретно именно румыно-албанской общности был Й. Тунман (Thunmann 1774), после чего наиболее известным в данной области стал труд Е. Копитара (Kopitar 1829), чья констатация единого балканского языкового духа, воплощенного в трёх материях, стала важным стимулом дальнейшего интереса лингвистов к балканской языковой общности.

Позже этой общности уделялось внимание в рамках индоевропейских (А. Шлейхер) и славистических (Ф. Миклошич) исследований, а в конце XIX – начале XX века многочисленные описания разных балканских языков и их конкретных фактов появлялись в издававшемся Г. Вейгандом журнале «Балкан-Архив». Первые обобщающие труды в данной области выпустил К. Сандфельд (-Йенсен) – сначала в книге (на датском языке) «Балканская филология» (1926), позже более известной в своём улучшенном, французском варианте (Sandfeld 1930). С тех пор балканистика прочно стала одной из отраслей языкознания, что однако, породило и скептицизм в отношении целесообразности существования её как таковой⁴.

Как это ни парадоксально, Н.С. Трубецкой, сам впервые предложивший в 20-х годах XX в. термин «языковой союз», видел в этом явлении что-то «богопротивное», подобное Вавилонской башне (Reiter 1991), хотя он же высказал идею, в дальнейшем ничем не подтвердившуюся, о возникновении самой индоевропейской общности путем конвергенции исходно неродственных языков. Позже ряд лингвистов также высказывался против идеи балканского языкового союза и самих «так называемых балканизмов». В частности, решительно отрицал существование этих явлений именно исследователь фрако-дакийских и иллирийских языковых реликтов И.И. Руссу. Не признавая реальности «союза, сфабрикованного Вейгандом и Сандфельдом» (Russu 1967, 184), он, верно, утверждал (вслед за Г. Анагностопулосом), что не может быть балканской лингвистики «в смысле индоевропейской, романской или славянской» (с. 193) и под., но при этом ломился в открытую дверь, так как, насколько известно, никто всерьез и не говорил о балканской семье языков, каковы индоевропейская, романская или славянская. Изучение «родства» балканских языков действительно, как говорит И.И. Руссу, беспредметно (с. 195), но этим «родством» по небрежности обозначалось не то, что обычно имеется в виду (происхождение от одного праязыка), а происходящее извне сходство, якобы ведущее к языковому единству в будущем (о чём см. ниже).

Решительным противником идеи балканизмов, балканского языкового союза и принадлежности к нему румынского языка был, как известно, Э. Косериу. Хотя он провозгласил, что «список балканизмов должен быть сведён к своим реальным размерам путём сравнения румынского с латинским и с западороманскими языками и диалектами» (см. последнюю редакцию в Coseriu 1996, 168), что уже делалось как самим Э. Косериу, так и другими (Gabinschi 1996, 100111), на практике он, тем не менее, ещё не установив этих „реальных размеров», говорит о „так называемом «балканизме» румынского языка”, о его «так называемых «балканизмах»” (Coseriu 1996, 168), «так называемом балканском языковом союзе» (Coseriu 1961, 10) и под. Верно, конечно, что обороты с десемантизованным «взять», известные многим языкам (ср. рус. *взял и ушёл*), не являются, вопреки К. Сандфельду, сколь-нибудь специфически балканскими (и в том, что тут нет вытеснения инфинитива, говорят приводимые самим Э. Косериу факты типа рус. *взять и поехать*) (Coseriu 1966, 48). Нет балканской специфики и в оборотах типа

cartea i-am dat-o lui «книгу я дал ему» (Coseriu 1996, 168). Это в действительности проявление общероманского сдвига, притом частный случай эволюции к субъектно-объектному спряжению, широко представленному в языках мира.

Однако за пределами адекватного рассмотрения этих отдельных явлений взгляд Э. Косериу на балканизмы («так называемые») характеризуется двумя ошибками в коренных вопросах. Первая – это усиленное внимание к периферийным фактам при невнимании к тому, что проявляется едва ли не в каждом акте речи. Так, вполне возможно латинское происхождение романских выражений типа рум. *ochi de apă* «равнинный ключ» (воды), слова «дом» в значении «комната» (соответственно «домá» в значении «дом»), а также глаголов типа рум. *a însera* «вечереть», *a amurgi* «смеркаться», *a înnopta* «темнеть», в личном употреблении (как в *au înnoptat pe drum* «заночевали в дороге»), равно как и такого употребления глагола типа рум. *a împlini (un număr de ani)* «исполниться (о годах)» (Coseriu 1961, 4–22). Но за исключением последнего все эти явления находятся на периферии лексики, встречаясь в речи очень редко, и потому далеки от того, чтобы характеризовать структуру языка – в отличие от главных специфически балканских и встречаемых повсеместно в румынской речи явлений, каковы конъюнктив вместо инфинитива западно-романских языков, постпозитивный артикль, омонимия датива и суффиксального алломорфа генитива и др., чему Э. Косериу в указанных работах не придаёт значения. Получается явная диспропорция в выборе диагностических фактов.

Другой коренной ошибкой Э. Косериу в области балканизмов является ложная дизъюнкция, притом в двух вопросах.

Во-первых, он постоянно подчёркивает важные отличия французского от того, что обще другим романским языкам, на фоне чего отличия румынского от других языков романской семьи (оно же общее у него с соседними нероманскими языками), выглядят несущественными. Но на самом деле тут очевидным образом одно никак не исключает другого. В частности, в том, что отличает румынский от западно-романских языков, французский среди них не выделяется и не образует этим специфической негенетической общности с соседними языками.

Во-вторых, в свете постоянно проводимой в разных трудах идеи о решающей роли древнегреческого влияния на латынь как фактора развития из неё романских языков (что подкрепляется множеством фактов), Э. Косериу лишь мимоходом упоминает какие-то «особые причины», по которым предрумынская латынь оказала греческому влиянию более сильное сопротивление, чем латынь на западе своего ареала (Coseriu 1971, 145). Почему при этом греческий воздействовал на будущий румынский в направлении, противоположном своему влиянию на западе Романии, от Э. Косериу узнать нельзя – древнегреческое влияние на латынь⁵ для него заслоняет влияние на неё или на балкано-романский язык того же греческого в его более поздней форме (даже если исключить тут общее влияние извне на Балканах и на сам греческий, и на предрумынский, и на другие соседние языки) – «особые причины» этой эволюции у автора не более чем упоминаются.

Э. Косериу, в частности, почему-то не придаёт значения сказанному другим исследователем греко-романских языковых взаимоотношений, более ста лет назад отметившему, что « в сфере нефинитного глагола греческий и романский резко расходятся» (Körting 1896, 119–121) (речь идёт именно о наиболее специфической общей черте балканских языков – утрате инфинитива).

Такова трактовка у Э. Косериу балканизмов в свете его принципиальных соображений⁶. Отметим при этом, что апелляция к «восточной латыни» (Coseriu 1996, 168), как это явление само по себе ни реально, в данном случае мало информативно. Не ясно, где в конечном итоге рассматриваемые явления исконны: если они зафиксированы в латыни вообще или хотя бы только вне Балкан, то балканизма в них, конечно, нет – если же только в восточной, то есть балканской, латыни, то применительно к ней встает тот же вопрос о первоисточнике явления, что и к новым балканским языкам.

Приведенных примеров авторитетных рассуждений достаточно, чтобы увидеть бытующий и спустя более века существования современной балканистики нигилизм по отношению к «сфабрикованному» балканскому языковому союзу, «так называемым балканизмам» и под.

В гиперболизациях в противоположном направлении здесь также нет недостатка, причем тоже исходящих из весьма авторитетных источников.

Так, если отвлечься от преувеличений Й. Копитара, изумлённого впервые описанным им (в 1829 году) своеобразным положением, в наше время сходное проявляется в усмотрении эволюции балканских языков в сторону языкового единства. Таковую идею отстаивал, в частности, В. Георгиев, считавший, что «языковой союз есть остановившееся на полпути движение к языковой интеграции» (Георгиев 1972, 401, разрядка)⁷. Но за время со II – I тысячелетий до н. э., для которого В. Георгиев предполагает начало балканской конвергенции (с. 408), никакого изменения генеалогической принадлежности ни греческого, ни албанского, ни появившихся тут позже романских, славянских и других языков не произошло. Положение в другом, очень давно существующем, языковом союзе – кавказском – демонстрирует разную генеалогию трех исконных неродственных языковых семей и появившихся там позже индоевропейских и тюркских языков – мало того, диалектная дробность некоторых малых кавказских языков такова, что затрудняет взаимопонимание их носителей (то же наблюдается в греческом и албанском языках).

Иначе говоря, рассуждения о «полпути», как и о пятидесятипроцентном барьере общности для перехода от разных языков к диалектам одного языка относятся к области фантазии.

В отличие от В. Георгиева, стоявшего за понятие языкового союза, Н. Райтер считает это понятие ненужным, но в сущности обосновывает ту же идею, что и В. Георгиев (Reiter 1981). В обоих случаях (как и в рассуждениях Н.С. Трубецкого об индоевропейском праязыке, см. выше), не придаётся значение тому, что и при очень интенсивных межъязыковых контактах флексии и основной словарный фонд практически не передаются из языка в

язык и, следовательно, не становятся основой какого-то единого нового языка – опыт Балкан это наглядно подтверждает, а противоположное нигде не засвидетельствовано.

Еще один недавний пример преувеличения общности балканских языков дают некоторые рассуждения Т. В. Цивьян, отправляющейся от идеи Пражского лингвистического кружка о том, чтобы «рассматривать балканское сообщество как единую систему с особым строением и особыми закономерностями развития, вытекающими из свойств самой системы» (Цивьян 1965, 10). Несмотря на очень точное описание автором путей кодирования и декодирования флексий имени в разных балканских языках, никак нельзя согласиться, например, с принятием ею модели простого предложения, построенной З. Голомбом на македонском материале и якобы «универсальной для подавляющего большинства языков и диалектов» Балкан (с. 13). Уже делавшееся нами сопоставление этого предложения с его дословным переводом на другой балканский язык (румынский) выявляет различие между языками даже на категориальном уровне (Gabinschi 2003a, 72), и дальнейшие такие различия можно продемонстрировать переводами того же предложения на другие балканские языки. Что же говорить о реализациях множества других моделей предложений? В свете хотя бы таких фактов (и в отвлечении от прочих), принятая Т. В. Цивьян идея того же Пражского кружка, будто «идеальная модель, к которой стремится БЯС, находится не в прошлом, а в будущем» (с. 9), относится к сфере воображаемого.

Таковы некоторые характерные примеры как нигилизма, так и гиперболизма в подходе к общности свойств балканских языков. В заключение критического обзора приведем пример рассуждений, отрицающих реальность общей балканской языковой специфики методом привлечения и критики заведомо не говорящих в её пользу положений. Возможность таких рассуждений особенно наглядно подтверждает необходимость в по возможности чётких критериях балканизма (resp. ареализма - унионизма).

Так, У. Хинрикс (Hinrichs 1990, см. подробно Gabinschi 2003a, 68, 71) не только исключает из числа балканизмов факты, и ранее считавшиеся таковыми без достаточного основания (какова «местоименная реприза»), но и сам указывает в том же плане на явления, широко распространенные в языках мира (таковы наречные тавтологии усиления типа болг. *бързо-бързо* «быстро-быстро»). Как и другие лингвисты, автор привлекает в качестве параллели балканского постпозитивного артикля севернорусскую частицу *-то*, которой, однако, в отличие от балканских артиклей не хватает одного из неотъемлемых свойств категориального показателя – обязательности постановки–непостановки. Что касается «местоименной репризы», то хоть она и в самом деле неспецифична для Балкан, У. Хинрикс, пытаясь это доказать, ссылается на невозможное в русском языке построение **А куда её убрать машину?* (sic! – вероятно, автор по недоразумению контаминировал правильные построения *А куда убрать машину?* и *А куда её убрать, машину-то?*). В вопросе о самой специфической балканской языковой особенности –

вытеснении инфинитива У. Хинрикс признаёт что, хоть в русском языке оно не произошло, тем не менее, видит что-то якобы это напоминающее в оборотах типа *взяли да про меня напечатали, возму и рожь продам* (хотя то же возможно и с инфинитивом – ср. *взять да про меня напечатать, взять и рожь продать* – см. выше о верных замечаниях Э. Косериу) и *пойду и скажу*, ср. *пойти и сказать*⁸.

Так У. Хинрикс хочет проиллюстрировать свою идею о том, что «так называемые балканизмы» якобы свойственны разговорной речи вообще и славянской в частности. Не более убедительна у автора идентификация балканского характера языка с его аналитизмом, что очевидным образом противоречит аналитизму западно-романских, английского и других языков, равно как и синтетизму румынского, албанского и греческого склонения, албанского и греческого пассива и др. (неосинтетизм румынского глагола, как он описан у В. Гуцу-Ромало и у нас, не упоминается). Разумеется, такое отрицание балканской языковой специфики никак не достигает цели.

При учёте приведенных (и других) точек зрения на балканизмы представилось целесообразным дать по возможности строгое определение таковых, притом основанное на общелингвистических критериях, то есть, как сказано, при взгляде на балканизм как на частный случай ареализма (унионизма). Речь идёт о том, чтобы в конечном итоге, как верно говорил Э. Косериу (и чего он не сделал), свести список балканизмов к его реальным размерам.

Поскольку в основе указанных действий лежит установление общей специфики разных языков региона, искомое определение звучит в свете имеющихся на сегодня данных, следующим образом: ареализм (унионизм) есть общая не обусловленная родством особенность двух или более языков данного ареала (не обязательно сплошного), не существующая вне его 1) ни в каком языке мира (1-я степень специфичности) или 2) в языках, более родственных языкам данного ареала, чем они родственны друг другу, а) нигде (2-я степень специфичности) или б) при общем источнике (3-я степень специфичности). Соответственно, языки, характеризующиеся указанными чертами, образуют языковой союз.

Определение звучит довольно сложно (что обусловлено сложностью самой объективно существующей ситуации), почему тут необходимы пояснения на примерах.

Указание на необусловленность родством нужна для опровержения привычных характеристик языкового союза как общности неродственных языков. Это неверно уже потому, что все основные балканские языки входят в родственные языковые семьи (албанскую, греческую, романскую и славянскую), то есть они отдаленно родственны (но их балканская общность не обусловлена родством). Мало того, даже в очень близко родственных идиомах ареализмы могут происходить не от их родства: таковы, например, общие особенности южнокалорийского, южноапулийского и северносицилийского поддиалектов итальянского языка, переданные им греческим субстратом и отсутствующие на остальных частях ареалов тех же диалектов. Но, конечно,

ареализмы могут передаваться и совсем неродственным языкам: ср. гагаузский, турецкий на Балканах и венгерский в Трансильвании. Передаваемость ареализмов из языка в язык зависит, таким образом, не от их родственности или неродственности, а от воспроизводимости (имитируемости) явлений одного языка средствами другого. Передача при этом может происходить как из языка в язык, так и из общего им всем источника (в том числе и уже исчезнувшего – в таком случае речь идет о субстрате, в частности автохтонном), так и обоими этими путями.

Ареал явления считается таковым, и не будучи сплошным, если общие особенности его несоприкасающихся частей явно превосходят в числе возможные случайные совпадения – такова, например, хорошо известная румыно-албанская языковая общность, хотя эти языки уже более тысячи лет не находятся в прямом контакте. Чертой, не существующей нигде вне данного региона, является, в свете всего на сегодня известного, балканская утрата инфинитива (полная или частичная). Чертами, не существующими в языках, более родственных языкам данного ареала, чем они родственны друг другу, является балканская постпозиция артикля, известная скандинавским языкам, баскскому, арамейскому (возможно, то же налицо в армянском), но неизвестная ни романским, ни славянским языкам вне Балкан (о том, что севернорусская частица *-то* таким артиклем не является, уже шла речь). Примером третьей ситуации служат построения тип рум. *sănătos tun* «здоров как бык», алб. *brisk i mprehtë* «острый как бритва», при том же в сефардском, но не только на Балканах, но и в Марокко (как в *dulse myel* „сладкий как мёд», ср. то же в алб. *mjaltë i ëmbël*), хотя общий источник такой межареальной общности выявить не удаётся (в сефардском это явление не испанского и, следовательно, не романского, происхождения).

Разумеется, не во всех случаях рассмотрения явлений как балканизмов удаётся достичь предельной желаемой однозначности – иногда не исключается и полигенез – как, например, в случае эволюции глагола «хотеть» в формант будущего: ср. наличие того же в разных французских диалектах (Sandfeld 1930, 181)⁹, в скандинавских языках, в английском, со спорадическими проявлениями той же тенденции в разных других языках (немецком, испанском).

Не представляется возможным также указать точные количественные данные, согласно которым можно или нельзя говорить о существовании языкового союза. Объективнее потому прежде всего констатировать наличие того, что можно обозначить как ареалему (унионему), хотя бы одну или несколько единичных. Уже приходилось приводить такие примеры, как восточно-крымское (татарское и русское) *таp(a)пан* «выдолбленный деревянный чан», далее, венг. *hogy* и имитирующее его в Трансильвании факультативное рум. *că* (как в *Îi spune că se a făcut* «Говорит ему, что он сделал») или исп.-порт. *redoma* «колба» с параллелью в магрибском арабском и под. Общность таких элементов также надо отмечать, хотя они и принадлежат к лексике – сфере наименее значимой для установления степени структурной близости между языками.

Сами флексии, как известно, за крайне редкими исключениями, из языка в язык не заимствуются, но в плане содержания языки могут морфологически уподобляться друг другу. Заимствование синтаксических построений обычно, и как таковые придаточные предложения первоначально заменяли на Балканах инфинитив, но за прошедшие века в большинстве балканских языков союзы, вводившие эти построения, утратили качество таковых, превратившись в препозитивные флексии конъюнктива (таковы гр. *иα*, алб. *të*, рум. *să*, болг. и макед. *да*). Такой же должна была быть эволюция демонстративов в постпозитивный артикль, особенно прозрачная в македонском и болгарском.

Важно, далее, что по разным признакам язык может входить в разные группировки языков союзного или квази-союзного типа. Так, указанная общая испано-магребская изоглосса не препятствует объединению испанского с баскским и гасконским по более существенным признакам – отпадению начального *f*, ряду слов и некоторым синтаксическим конструкциям.

Следует также (вопреки распространённым, но часто некритическим) повторениям того, что в языке „*tout se tient*”, помнить, что языковой союз это не семья и не тип языков, а их группировка, связанная именно с данной местностью. О недопустимости смещения языкового союза с семьёй языков уже шла речь выше. Тип же языков характеризуется чертами, могущими обнаруживаться в любой части света, и все такие типы обозначаются без привлечения географических названий – в отличие от языковых союзов. Черты же союза, как уже сказано, существуют благодаря имитируемости (воспроизводимости) в одном языке особенностей другого языка, причём между этими особенностями вовсе не обязательна взаимная или даже односторонняя импликация. Потому общие черты союза представляют собой неповторимое сочетание признаков, друг другом не обусловленных и (в отличие от типа языка) вместе нигде более не повторяющихся.

Не будучи семьёй языков, союз может включать одни языки в большей, другие в меньшей мере, и соответственно, язык может быть более или менее, например, балканским (в отличие от бытности романским, славянским и др.). Вспомним, что например, греческий язык, часто считаемый, вслед за К. Сандфельдом, центром иррадиации балканизмов, не имеет такой важной общей черты остальных балканских языков, как постпозитивный артикль. Не случайно потому, что в балканском языковом союзе давно отмечается центр (албанский, дакороманские языки, македонский), ближняя периферия (греческий) и дальняя периферия (литературный сербохорватский, преимущественно сербский), не считая небалканских языков и диалектов. Соответственно, более или менее балканскими могут быть разные диалекты и даже варианты одного и того же языка (ср. торлакский диалект сербского, в отличие от литературного сербского и, тем более, боснийского и хорватского). Редкую картину такой неоднородности в пространстве даёт албанский язык – от полной утраты инфинитива в тосском, при его постепенно возрастающем до типологически необычного и очень частого («сверхнебалканского») употреблении в северногегском.

Соответственно, может меняться принадлежность языка к союзу и во времени. Так стало с греческим языком, где в поздней древности наблюдались лишь спорадические зачатки некоторых балканизмов, далее старославянский, из которого произошли нынешние македонский и болгарский языки и др. И наоборот, утрата балканских черт наблюдается в истрорумынском, она же отмечалась в словенском, а также (по недавним данным Л.А. Покровской) в языке гагаузов, переселившихся в Казахстан¹⁰.

Уже говорилось об общих, не обусловленных родством, но не специфичных чертах языков региона – трансареализмах, каковы общевалканские слова турецкого (а далее арабского и, реже, персидского) происхождения и два балканских этимона, известные из древних источников. Но, в противоположность этому, существуют и субареализмы, то есть общие черты отдельных идиомов, свойственные им сверх общевалканских черт. Таково, например, беспредложное употребление местных названий, чаще всего имён собственных, при обозначении нахождения в местах и движения к ним в диалектном албанском, особенно арберешском, в аромунском и в диалектном македонском. Такие черты можно факультативно обозначить как субвалканизмы, в отличие от панвалканизмов (или квазипанвалканизмов – какова позиция артикля), а характеризующие ими идиомы как образующие языковые подсоюзы. Здесь также (как в случае албано-румынизмов, не только лексических) не всегда наблюдается непрерывность в пространстве, ср. особо ротацизм интервокального $n > r$ в тоскском, истрорумынском, в говоре моцев и в первых румынских текстах¹¹ (причём, не случаен ли этот параллелизм между тоскским и дакороманским, до сих пор неясно).

Разумеется, не всё то, что есть в балканском языке (опознанном как таковой на основе ряда специфических признаков), является балканизмом. Вообще это положение ясно из самой природы вещей, но следует особо указать на случаи влияния одного балканского языка на другой, в том числе балканский же. Например, в македонском, в обстановке двуязычия с аромунским, появился отпосессивный перфект типа *имам сторено* «*habeo factum*», калька с аром. *am fap̃tā*, а у непереходных глаголов, под влиянием соседних албанских говоров, и перфект типа *сум дојден* (ср. ит. *sono venuto*). Но в таких фактах нет ничего специфически балканского (в частности, налицо общность аромунского с явнородственными романскими языками; то же имеет место в польском и чешском языках под влиянием немецкого). Так же нет балканской специфики в диалектном распространении македонской клитики *му* «ему» на значения «ей» и «им»: значения «ему» и «ей» различаются клитиками в итальянском (*gli* и *le*), но не различаются в других романских языках (ср. фр. *lui*, катал. *li*, исп. *le*, порт *lhe*, как и рум. *îi/i*, аром. *lji*), так же обстоит и в албанском (*i*), перенос же клитики ед. ч. *му* на мн. ч. есть индивидуальная македонская инновация.

И так мы подходим к тому, что и типологически оригинальные факты только одного какого-либо балканского языка или близкородственных языков тоже балканизмами не являются. Так, в противоположность давно известному параллелизму оборотов со значением типа «едва пришедши...»

(ср. алб. диал. *një të ardhur...*, аром. *unā vinitā...*, макед. *едно доаг'анье...*) с упоминанием единицы, недавно описанные западно-македонские обороты без такового, типа *Видување го, му пријде* «Увидев его, он подошёл к нему», то есть герундизация имени действия, при всей своей оригинальности, а вернее в силу таковой, к балканизмам не принадлежат. В силу того же фактора одноязычной оригинальности не являются балканизмами, например, греческая субстантивация конъюнктива (тип то *va káveis* «сделать», румынские прилагательные типа *de netrecut* «непроходимый» и под.), и то же касается оригинальных явлений, явно обусловленных близкородственностью языков (таков демонстративный артикль – макед. *-ов, -он, -от*, болг. диал. *-ъс, -ън, -ът*, возможно, общеславянского происхождения).

Таковыми представляются достижимые сегодня критерии принадлежности явлений к ареализмам (унионизмам), в частности, к балканизмам.

В свете изложенного известный уже во время Д. Кантемира принцип опознания сферы возможного обнаружения автохтонизмов, а именно фрако-дакизов, методом исключения всех этимонов известного происхождения соотносится с понятием языкового союза, в данном случае балканского, следующим образом:

Прежде всего тут следует отметить, что, в отличие от времени Д. Кантемира, перед нами стоит задача обнаружения не только лексических, но других (фонетических, синтаксических, морфологических) автохтонизмов.

При этом сравнительно легко (даже без применения критерия, указанного Д. Кантемиром) опознаются автохтонные этимоны (как в случае приводившихся рум. *mal* и *mînz*, имеющих параллели на разных внебалканских ареалах и потому балканизмами не являющихся), представленные в древних источниках.

В остальном отношения друг к другу ареализмов и следов автохтонного субстрата в общем таковы.

Ареализмы (унионизмы, черты языкового союза) характеризуются общей спецификой разных степеней, обычно, но не обязательно, давней или местного происхождения. Ср. приводившиеся редкие специфические межбалканские этимоны внешнего для Балкан происхождения (аром. *njarcă* – алб. *njerkë* и болг. диал. *гражд* – рум. *grajd* – алб. *grazhd*), а также, что важнее, глаголы со специфическими показателями, образованными из алломорфов окончаний турецкого претерита *-ti/-di* и др. и греческого перфектного *-σ-* (ср. алб. *bojatis* «крашу» с параллелями в греческом и южнославянском; в румынском такие глаголы вышли из употребления).

Автохтонизмы характеризуются давностью и невыводимостью из современных языков, причём, общность наличия в разных языках ареала, хоть она и не есть обязательный признак автохтонности, делает её более вероятной. То же подтверждается проникновением некоторых старых общевалканских явлений в языки, появившиеся на Балканах сравнительно недавно, почему эти, небалканские языки могут использоваться как естественные модели старых языков региона, ещё находившихся на начальной стадии балканизации.

Не исключено, например, что трехчленность македонского и диалектного болгарского постпозитивного артикля, при учёте наличия подобного явления в армянском, состоит в какой-то связи с давно предполагавшимся близким родством фракийского, фригийского и армянского. Но ввиду отсутствия этого, исконно славянского явления, в других балканских языках такая связь представляется проблематичной – тут не исключается и случайное совпадение. Вероятность автохтонного происхождения специфически местных явлений возрастает в случае их общности в разных местных языках, притом общности, не обусловленной родством этих языков. И чем эта специфичность больше, тем менее вероятно тут случайное совпадение. Потому весьма вероятен автохтонный балканский источник тенденции к утрате инфинитива, в несколько меньшей степени – к постпозиции демонстратива, ставшего впоследствии постпозитивным артиклем, к общности в средствах выражения генитивного и дативного значений, к неразличению *ubi* и *quo*, к редукции глагола «хотеть» в формант будущего, не говоря о ряде более редких в речи явлений.

Так особенности языкового союза помогают опознавать, с разными степенями вероятности, предположительные черты местного автохтонного субстрата. Разумеется, в случае Балкан, где этот субстрат был индоевропейским и европейским, в нём могли развиваться такие явления, как артикль (не обязательно постпозитивный), далее, без достаточного основания считаемые балканизмами аналитический компаратив, числительные суперессивной структуры от «11» до «19», а также (при учёте распространённости в языках мира объектного спряжения) редукция личных местоимений в объектные показатели глагола и т. п. Всё это также, стихийно развиваясь в бесписьменных автохтонных языках, могло в условиях двуязычия катализировать ту же эволюцию в письменных древних языках на Балканах, но говорить об этом сколько-нибудь уверенно мы не можем, ввиду отсутствия в таких процессах местной специфики. Иначе обстоит, как показано, со специфически местными, тем более общими, чертами языков региона.

Сходным образом представляется целесообразным действовать в случаях обследования других региональных группировок языков как возможных союзов и развившихся на субстратах. Сначала желательно установить в синхронии степень специфичности индивидуальных и общих черт указанных языков (что важно и независимо от прочего), а затем перейти к выяснению их происхождения, притом возможно субстратного и автохтонного.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Последним, насколько известно, исчерпывающим трудом в данной области является книга И.А. Калужской.
2. Вероятно, первым шагом на этом пути было рассуждение Д. Кантемира о вероятном дакизме румынских слов, не унаследованных из латыни и не заимствованных из известных нам других языков (Кантемир 1975, 204-205). И хотя все 7 приведенных автором примеров оказались, в силу уровня науки того времени, ошибочными, сам указанный им принцип остаётся в силе.

3. По этому поводу ещё раз не излишне указать на иллюзорность выведений И.И. Руссу (см. Габинский 1963) всех «румыно-албанизмов» и примерно столько же старых румынских слов, не имеющих албанских параллелей, из фрако-дакийского, которым они в свою очередь якобы унаследованы из индоевропейского.
4. См. подробнее об этих и кратко пересказываемых ниже других мнениях за и против реальности балканизмов в статьях: Gabinschi 2002, 88-98; Gabinschi 2003a, 67-77; Gabinschi 2003b, 72-81.
5. Сам термин «субстрат» в этой работе не фигурирует, хотя на фактах автор убедительно показывает наличие сильного аллохтонного греческого субстрата в римской Италии (прежде всего в самом Риме) в эпоху империи. Но фактор автохтонного субстрата латыни и греческого на Балканах даже в порядке догадки автором не упоминается.
6. О фактических ошибках Э. Косериу в рассуждениях об албанском артикле (на которых строится отрицание албано-румынской общности в сфере артикля), см. Gabinschi, 2003b, 75-76.
7. См. подробнее Gabinschi 2002, 69-70, а также с. 72-73, о 50% общих черт, якобы означающих, по В. Георгиеву, переход от языкового союза к диалектам одного языка, и под.
8. Как единственное достоверное внебалканское употребление конъюнктива вместо инфинитива У. Хинрикс приводит положение в цыганском языке. Это также мало убедительно, поскольку, во-первых, бывшее наличие инфинитива в цыганском не установлено, в таком случае его утраты типа балканской могло и не быть; во-вторых, если оно имело место, то вряд ли можно рассматривать это в отрыве от наличия в цыганском множества греческих и более поздних румынских заимствований, говорящих об интенсивных контактах с этими языками.
9. Сам К. Сандфельд считает общность этого явления, и при учёте его полигенетичности в языках вообще, никак не случайной в пяти языках Балкан (см. там же).
10. Утрата черт союзного явления (унионемы) отмечается и в случаях отдельных фактов. Например, алб. диал. *brendëza* «внутренности» > рум. *brînză* было одним из албано-румынизмов, т.е. составляло в известных пределах межязыковую балканскую специфику, но позже через украинский и русский языки оно проникло в разные языки бывшего СССР, чем эту специфику утратило. Сходным образом, слово (неизвестного происхождения) *жлоб*, ранее известное лишь в Одессе и в близких к ней местностях, в том числе в Молдавии, позже благодаря литературе на одесские темы стало, притом иногда с искажениями первичного значения, просторечным общерусским.
11. О разных таких субареальных общностях на Балканах см. Sandfeld 1930, 100-162.

БИБЛИОГРАФИЯ:

- Габинский, М. 1963: *Обсерваций асупра балканизмелор лексикале але лимбий молдовенешть*, Студий де лимбэ молдовеняскэ, Кишинэу, 1963, п. 92-106.
- Георгиев, В. 1972: *К вопросу о балканском языковом союзе. Пер. с франц.*, Новое в лингвистике, VI, Москва, с. 398-418.
- Калужская, И.А. 2001: *Палеобалканские реликты в современных балканских языках*, Москва, 176 с.
- Кантемир, Д. 1975: *Дескриеря Молдовей*, Кишинэу, 216 п.
- Цивьян, Т.В. 1965: *Имя существительное в балканских языках*, Москва, 196 с.
- Coseriu, E. 1961: *Arabismos o romanismos?*, Nueva revista de filología hispánica, 142

(México-Texas), XV (1961), nr. 1-2 (Homenaje a Alonso Reyes), p. 4-22.

Coseriu, E. 1966: *Tomo y me voy. Ein Problem vergleichender europäischer Syntax*, Vox romanica, Bern, vol. 2. S. 13-55.

Coseriu, E. 1971: *Das Problem des griechischen Einflusses auf das Vulgärlatein*, Sprache und Geschichte. Festschrift für Harri Meyer zum 65. Geburtstag, München, S. 135-147.

Coseriu, E. 1996: *Lingvistica integrală*. Interviu cu E. Coșeriu, realizat de Nicolae Saramandu, București, 184 p.

Gabinschi, M. 1996: *Realitatea balcanismelor și probabilitatea autohtoniei celui mai specific dintre ele*, Revistă de lingvistică și știință literară, Chișinău, nr. 5, p. 100-111.

Gabinschi, M. 2002: *Contribuții la precizarea noțiunii de balcanism. 1. Balcanismul ca un caz particular al arealismului*, Revistă de lingvistică și știință literară, Chișinău, nr. 3-4, p. 88-98.

Gabinschi, M. 2003a: *Contribuții la precizarea noțiunii de balcanism. 2. Balcanitatea între nihilism și hiperbolism*, Revistă de lingvistică și știință literară, Chișinău, nr. 3-4, p. 67-77.

Gabinschi, M. 2003b: *Contribuții la precizarea noțiunii de balcanism. 3. Rectificări la unele teze balcanologice autorizate*, Revistă de lingvistică și știință literară, Chișinău, nr. 5-6, p. 72-81.

Hinrichs, U. 1990: *Das Slavische und die sogenannten Balkanismen*, Zeitschrift für Balkanologie, Berlin, XXVI, Heft. 1, S. 43-62.

Kopitar, J. 1829: *Albanische, walachische und bulgarische Sprache*, Jahrbücher der Literatur, Wien, XLVI. Band, S. 59-106.

Körting, G. 1896: *Neugriechisch und Romanisch. Ein Beitrag zur Sprachvergleichung*, Berlin, 150 S.

Reiter, N. 1981: *Balkanologia quo vadis?*, Zeitschrift für Balkanologie, Berlin, XVII, Heft, S. 177-224.

Reiter, N. 1991: *Ist der Sprachbund ein Werk des Satans?*, Zeitschrift für Balkanologie, Berlin, XXVII, Heft 1, S. 53-59.

Russu, I.I. 1967: *Limba traco-dacilor*, București, 256 p.

Sandfeld, K. 1930: *Linguistique balkanique. Problèmes et résultats*, Paris, 213 p.

Thunmann, J. 1774: *Über die Geschichte und Sprache der Albaner und der Wlachen*, Leipzig, 197 S. (перездано: Hamburg, 1976).